

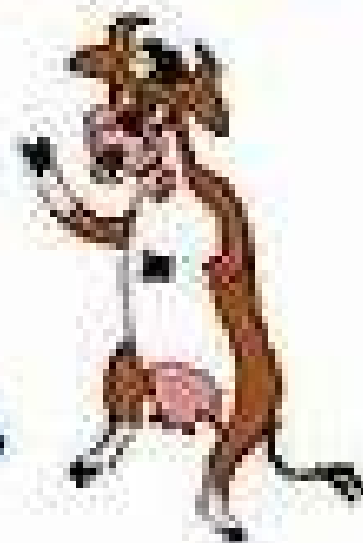
Эдуард Успенский

ДЯДЯ ФЁДОР

И ЛЕТО

В ПРЕСТОКОВАЩИНО

Эдуард Николаевич Успенский

Каникулы в Простоквашино (Дядя Федор и лето в Простоквашино)

Глава первая. ТОРЖЕСТВЕННОЕ НАЧАЛО КАНИКУЛ

Как-то неожиданно придвинулся месяц май. Только что на деревьях почки были, лужи сверкали скользкие, общая влажность была. А тут раз-два и всё высохло, листья возникли, жухлая трава зазеленела и в школе занятия закончились.

Дядя Фёдор стал в деревню проситься:

— Там кот Матроскин и Шарик меня заждались.

Мама не хотела дядю Фёдора в деревню пускать. Она говорила папе:

— Только я его отучила от деревенских привычек — бегания и мотания на велосипеде. Только я его к театру приучила, к компьютеру, к книжкам, к сидению за столом по пять часов, как он опять на волю просится.

Папа сразу сказал:

— У него то компьютера глаза квадратными получились.

Потом раскипятился и произнёс целую речь:

— Да от твоего сидения за столом он по полчаса разогнуться не может. Да от городского воздуха он совсем зелёным стал. Ему при таком маскировочном цвете в спецназ идти хорошо. Его в лесу даже свои не найдут. Пусть в деревню едет.

Мама поскрипела, поскрипела немного, но согласилась:

— Пусть. ***

Кот Матроскин и Шарик дядю Фёдора на тракторе на электрической станции встречали. Они от радости сразу на нём повисли, и все вместе на землю шлёпнулись.

Как только наши приятели сели на трактор, зелёный дядя Фёдор заявил:

— Вы как хотите, а я всё лето буду отдыхать. Я буду торжественно ничего не делать.

— Это как? — спросил кот Матроскин.

— А так. Торжественно лягу на лужайке, книгу подложу под голову и буду лежать весь июнь. Загорать, на облачка смотреть.

Матроскин говорит:

— Ой, я сейчас приеду, только свёклу доварю, Мурку мою подою, в магазин сбегаю, за свет заплачу, кое-что стираю... И тоже буду торжественно отдыхать весь июнь. И ещё июль прихвачу.

— Не-а, — говорит Шарик. — А я буду всё лето работать. У меня летом самый фотосезон.

И верно, Шарик летом со своим фоторужьём не расставался. Он мог его с закрытыми глазами, как автомат Калашникова, разобрать, протереть и снова собрать.

— Твою беготню с фотострелялкой и работой назвать нельзя, — сказал Матроскин. Так, сплошное скакание по полям. ***

В общем, скоро дядя Фёдор улёгся на поляне — книжка под голову. Шарик рядом лёг, потом и Матроскин пристроился. Тут Печкин идёт со своей почтой.

— Чего это вы тут делаете?

— Мы ничего не делаем. Торжественно.

— Это как торжественно? — спрашивает Печкин.

— А так, — говорит Матроскин. — И вызывающе.

— Они весь июнь так собираются торжественно ничего не делать, — говорит Шарик.

— Ой! — кричит Печкин. — Я сейчас только почту разнесу и тоже к вам присоединюсь. Мне очень нравится такое торжественное занятие.

Скоро он к ним присоединился. Расстелил свой плащик, и у них беседа началась.

— Меня вот что беспокоит, — говорит Матроскин. — Моя корова что-то стала мало молока давать. Всё думаю, как надои увеличить.

Печкин сказал:

— Сейчас в Европе новые методы применяются. Это я в журнале прочитал. Надо коровам музыку ставить перед носом. Тогда они сразу больше молока давать начинают.

— Какую музыку им надо ставить? — спрашивает Матроскин.

— Я не запомнил, — говорит Печкин. — Что-нибудь с травяным уклоном. Например, вальс цветов или что-нибудь Сен-Санса.

— А Сен-Санс-то здесь при чём? — удивился кот.

— Не знаю. Может быть, чем-то с сеном связано.

— Надо весёлую музыку ставить, — говорит Шарик, — чтобы молоко не скисло.

— Чего тут долго думать, — говорит дядя Фёдор. — У нас одна только музыка и есть. Я на чердаке проигрыватель видел со старыми пластинками. Пробуй, Матроскин.

Матроскин сразу свой торжественный отдых прекратил и на чердак полез проигрыватель доставать.

Он его быстро нашёл, нашёл ещё несколько пластинок. Быстро всё это на табуреточке к Муркиной двери пристроил и пластинку завёл. Там певица по фамилии Шульженко песню пела про валенки.

Корова Мурка песню про валенки не очень поняла. Она из сарая выглянула и обратно в сарай ушла сено дожёвывать.

Вторая песня была "Калинка-малинка". Она бурёнке больше понравилась. Бурёнка её всю до конца дослушала. Но опять ушла.

Матроскин, чтобы её привлечь, рядом с проигрывателем несколько овощных пирожных положил.

— Молока сегодня будет! — решил он. — На всю деревню хватит!

Глава вторая. НОВОЕ УВЛЕЧЕНИЕ ШАРИКА

Однажды, когда наши друзья в очередной раз торжественно ничего не делали, Шарик и Матроскин поспорили — люди какой профессии больше всех зарабатывают.

Шарик напирал на то, что больше всех министры получают и президенты разные:

— Их государство обеспечивает.

Матроскин говорил, что олигархи. Потому что они сами себя обеспечивают.

— Они сами себе сколько хотят, столько и платят.

Дядя Фёдор утверждал, что больше всех зарабатывает тот, кто умеет интересно жить.

— Можно без всяких денег в путешествия ходить. Книжки интересные читать. С друзьями у костра сидеть. А бедные министры и олигархи ничего, кроме своих компьютеров, не видят.

Почтальон Печкин свою линию гнул:

— Больше всех разные поэты зарабатывают. Вот я помню, в газетах читал, что поэтам за одну строчку рубль — нет, доллар сорок платят.

— Это как так за одну строчку?

— А так. Сочинил ты такую строчку: "Стою на полустаночке". Раз — и тебе доллар сорок. Понятно?

— Понятно.

— Придумал дальше: "В красивом полушалочке" — тебе ещё доллар сорок. Понятно?

— Понятно.

— "А мимо проезжают поезда" прибавил — уже больше четырёх рублей вышло.

Дальше Печкин одновременно пел и считал:

А рельсы, так уж водится,

У горизонта сходятся...

Ах, где ж вы мои прежние года?

Ах, где вы мои прежние года?

В результате у него за все строчки восемь рублей сорок копеек заработка получилось.
Эта арифметика Шарика потрясла. Куда бы он ни шёл теперь, он всегда губами шевелил:
Люблю грозу в начале мая —

Рубль сорок.
Когда весенний первый гром —

Два восемьдесят.
Полурезвясь, полуиграя —

Четыре двадцать.
Грохочет в небе голубом.

Пять рублей, то есть пять долларов шестьдесят копеек получается. Надо же, а я даже до остановки не дошёл.

Глава третья. ВСТРЕЧА СО ЗНАМЕНИТЫМ ПОЭТОМ

Как раз в это время в соседнюю деревню Троицкое стихотворный поэт должен был приехать. На клубных расклейках было написано: "Состоится встреча с поэтом Юрием Энтиным — "Стихи последних лет".

И кое-где большие афиши были расклеены.

На афише была фотография поэта, где он радостно кого-то приветствовал. То ли самолёты, то ли народ. Была в нём какая-то потусторонняя отрешённость и возвышенность. Короче, было ясно, что это настоящий поэт, а не халтурка какая-то.

Стихи последних лет троицких особенно не интересовали, а сам поэт заинтересовал — больно непривычный уж был мужчина: совсем тощий и весь в волосах.

Пелагея Капустина сказала:

— Я обязательно пойду на встречу с ним. Уж больно вид у него жалостливый, и стихи у него, наверное, такие же.

— Да ничего подобного, — сказал сторож дед Сергей с горушки. — Он человек волевой, это сразу видно. Он на приплюснутого Дзержинского похож.

Клубная билетёрша тётя Дуня сказала:

— Ерунда это всё, чего вы там думаете. Поэт Юрий Энтин — это композитор Владимир Шаинский.

Она так часто встречи устраивала, что в мозгах у неё всё запуталось.

В общем, народ решил с поэтом встретиться. ***

Шарик, Матроскин, дядя Фёдор и почтальон Печкин, разумеется, тоже пришли на концерт. Сели в самом дальнем ряду. Потому что если им вечер не понравится, они тихонько уйдут.

Троицкий клуб был такой маленький, что самый дальний ряд фактически ближним был.

Печкин взял счёты, чтобы поэтический заработок считать.

Поэт вышел на сцену — свободный и раскованный, совсем не такой, как на афише. И сразу начал:

В летнем месяце апреле

Потихоньку тает снег

И весёлые качели

Начинают свой разбег.

Печкин только успевал счётами щёлкать:

— Доллар сорок, доллар сорок, рубль сорок и ещё рубль сорок.

Взлетая выше ели...

Щёлк.

Не ведая преград

Щелк.

Крылатые качели

Щёлк.

Летят, летят, летят.

Щёлк, щёлк, щёлк.

— Гражданин товарищ поэт, — просит Печкин, — повторите, пожалуйста, стихотворение про качели.

— Оно вам так понравилось?

— Я просто строки не успел сосчитать.

Тут записки из зала стали поэту приходить самые разные: "Ваша жена артистка?"

Поэт даже растерялся:

— Нет, но концерты устраивает.

"Прочтите ваше любимое стихотворение".

Юрий Энтин согласился:

— Хорошо. Прочитаю.

Ночь, улица, фонарь, аптека,

Бессмысленный и тусклый свет.

Живи ещё хоть четверть века —

Всё будет так. Исхода нет.

Умрёшь — начнешь опять сначала.

И повторится все, как встарь:

Ночь, ледяная рябь канала,

Аптека, улица, фонарь.

— Восемь строчек всего, — говорит Печкин, — невыгодное стихотворение.

— Это стихотворение Александр Блок написал, — сказал Юрий Энтин.

Печкин расстроился:

— Он меня запутал. Придётся пересчитывать. Он же чужое стихотворение читал.

Поэт тут же исправился и стал читать только своё:

Прекрасное далёко,

Не будь ко мне жестоко,

Не будь ко мне жестоко,

Жестоко не будь.

"Какой хитрый, — успел подумать Печкин, щёлкая счётами, — три раза повторяет".

Из чистого истока

В прекрасное далёко,

В прекрасное далёко,

Я начинаю путь.

"И опять повторяет. Вот экономия!"

В общем, Печкин насчитал за вечер четыре тысячи двести копеек, чем окончательно подкосил Шарика.

Глава четвертая. ПРОБЛЕМЫ С КОРОВОЙ МУРКОЙ

Дела с молоком у Мурки не улучшались. Она, несмотря на проигрыватель, всё меньше молока давала.

— Репертуар не тот, — сказал почтальон Печкин. — Ей надо что-нибудь сугубо личное поставить. У меня есть одна такая пластинка.

Он пластинку принёс, и Матроскин её запустил. Это была весёлая животноводческая песня про корову. Пел её замечательный певец Леонид Утёсов.

Пластинка была старая, она всё время съезжала со строчки на строчку. Но текст был абсолютно коровий. Проигрыватель пел:

"Ты не только съела цветы,
В цветах мои ты съела мечты,
И вот душа пуста,
И вот молчат уста.

Трудно жить,
Мой друг, без друга
В мире одному.
Всё туманно, всё так сухо
Сердцу и уму.
Если б жизнь твою коровью
Исковеркали б любовью,
То тогда бы ты, Пеструха,
Знала почему".

Матроскин заводил и заводил эту песню. Корове она не очень нравилась, зато соседи подходили послушать.

"Брось ты хмуриться сурово,
Видеть всюду тьму,
Что-то я тебя корова,
Толком не пойму.
Наклони поближе ухо,
Утешай меня, Пеструха,
Очень трудно без участия
Сердцу моему".

Пришла даже знаменитая животноводка и доярка Пелагея Капустина. Она тоже раз сто завела любимую песню.

"Есть в полях другие цветы,
Опять вернутся в сердце мечты.
О них грустить смешно,
Пора простить давно".

И когда повторилась сто первый раз, с Муркой что-то случилось.

Она вылетела из сарая как лёгкий танк. Разнесла столик с проигрывателем на мелкие кусочки и, разгневанная, убежала в поля.

— Не даёт молока, — сказал Матроскин, — чего я только ни делаю...

— Оттого и не даёт, что телёночек у неё не намечается, — сказала доярка Пелагея. — Ведь коровы молоко не людям дают, а телятам. Люди уже потом пристраиваются. Надо ей

телёночка завести.

— А как? — спрашивает Матроскин.

— Надо её в колхозное стадо отдать. Там бык есть новый. Если в стаде бык есть, коровы очень быстро телятами обзаводятся. А где телята, там и молоко.

Что ж, ничего не поделаешь! Пришлось Матроскину свою Мурку в колхозное стадо отдавать, как детей в пионерский лагерь отдают.

Но он особо не скучал. У него дела никогда не убавлялись, а прибавлялись только. А в родительский день он к ней приходил.

Глава пятая. ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЫХ НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ

Вдруг неожиданно грибы пошли. Полон лес грибов. Никто их не ожидал, а они из-под земли, как по команде, вылезли. Дачники ещё не понаехали, поэтому грибов целый лес получился.

Дядя Фёдор, Матроскин и Шарик немедленно за грибами отправились.

— Я одно место знаю секретное, — говорит Матроскин дяде Фёдору, — пойдёмте туда.

— Не надо нам никаких секретных мест, — говорит Шарик. — Сейчас все места секретные. Везде полно грибов.

— Правильно, — говорит дядя Фёдор. — Мы сейчас будем грибы где придётся собирать. А твоё секретное место на тогда оставим, когда грибы кончатся начнут.

И верно, грибов столько было, что только собирай. Очень скоро корзинки у мальчика и кота были полными.

— Эх, обидно из леса уходить! — говорит дядя Фёдор. — Вон ещё сколько грибов осталось.

— И ещё обидно, что белых маловато, — говорит Матроскин.

И тут ему одна мысль в голову пришла:

— Ну-ка, Шарик, подойди ко мне. Ты умеешь по запаху сыроежку от белого отличить?

— Не знаю, не пробовал.

— А ну, закрой глаза, что это за гриб?

Шарик нюхает и говорит:

— Белый.

— Правильно. А это?

— Сыроежка.

— А это?

— Опять белый.

— Отлично, — говорит Матроскин. — А сейчас я отойду на пять метров. Какой гриб у меня в руке?

Шарик носом потянул:

— Белый.

— А сейчас я на десять метров отойду. Какой гриб я держу?

Шарик воздух нюхает:

— Сыроежку. А сейчас белый.

Матроскин говорит:

— Дядя Фёдор, ты всё понял?

— Что я понял? — спрашивает дядя Фёдор.

— Ты понял, какая от Шарика может быть польза?

— Какая?

— А такая. Мы сейчас домой пойдём, а наш папарацци в лесу останется. Он по запаху нам грибы будет собирать белые и в кучку складывать. А мы к вечеру с тележкой вернёмся.

Шарик даже рот раскрыл и стал лапами водить, как будто он тонет.

— Дядя Фёдор, как же так? Я же фотографический пёс, не грибной.

— Это верно, — согласился дядя Фёдор. — Но грибы в доме — вещь необходимая. Потому что грибы и мясо, и овощи, и даже фрукты заменяют. Насушим их целый мешок, меньше будем в магазин за продуктами ходить.

— Меньше будем денег тратить, — сказал кот. ***

Так они и сделали. Дядя Фёдор и Матроскин с корзинками домой пошли за тележкой, а Шарик остался грибы нюхать и в кучку складывать.

Он много грибов собрал. Когда дядя Фёдор и Матроскин с тележкой вернулись, там столько грибов собралось, что они еле в тележку уместились.

Матроскин всё переживал:

— Эх, жаль, я не догадался, чтобы Шарик грибы и чистил заодно. Вон сколько мусора мы на корешках везём.

А Шарик так грибов нанюхался, что слышать о них больше не мог. И когда Матроскин грибной суп варил, Шарик всегда к почтальону Печкину убегал журналы про охоту читать.

Глава шестая. БИЗНЕС ПОЧТАЛЬОНА ПЕЧКИНА

В последнее время что-то почтальон Печкин к дяде Фёдору зачастил. И всё с подарками.

То журнал цветной принесёт про машины, то компас, то уютг старинный.

— А тебе, Шарик, вот коробочка разноцветная для косточек.

Но больше всего он к Матроскину подкатывался:

— Вот тебе, Матроскин, лопата зимняя против снега...

— Вот тебе, Матроскин, грабли летние, в огороде работать...

— Вот тебе, Матроскин, мышка заводная, электрическая...

Матроскин как мышку увидел, так рассудок потерял. Давай за ней бегать. Мышка, как намыленная, от всех стенок отталкивается, по полу вертится, в лапы не даётся.

Наконец, он её поймал сачком и говорит Печкину:

— Вот что, уважаемый Печкин, не надо мне таких подарков. Во мне сразу зверь просыпается. Не будите во мне животные инстинкты. Мне сразу рвать и метать хочется. Я могу не только мышку, но и Шарика покусать.

Дядя Фёдор спрашивает:

— Игорь Иванович, а что это вы такой ласковый? Может быть, вам что-нибудь от нас нужно?

— Нужно, — говорит Печкин.

— Что?

— Мне нужна одна вещь, которой у вас нет, но она у вас скоро будет.

Шарик сразу подумал, что это будущая премия за его фотографии в журналах. Потому что в смысле фотографии он здорово вырос за последнее время.

Дядя Фёдор подумал, что это новая финская лопата, которую им давно собиралась прислать тётя Тамара.

У Матроскина в голове сразу сверкнуло:

— Телёночек? Да?

Печкин на колени встал:

— Телёночек. Дайте мне телёночка.

Матроскин задумался. С одной стороны, телёночек — это хорошо. А с другой — у них один телёнок уже и так есть. Он спрашивает:

— А что вы нам дадите?

— Козлёночка?

— А у вас есть?

— Есть два.

— Козлёночек — это мало, — говорит Матроскин.

— А я вам ещё цыплят дам.

— Сколько?

— Целую шапку. У меня недавно вывелись.

Матроскин очень рад, но делает вид, что недоволен.

— Ладно, уж так и быть. Только мы ваших цыплят вместе с шапкой возьмём, а козлёночка вместе с тележкой.

Дядя Фёдор кота отвёл и спрашивает потихоньку:

— Матроскин, а зачем нам шапка и тележка?

— Эти шапка и тележка — наши шапка и тележка. Это мы их Печкину в день рождения дали, когда козочку дарили и курочек. Вот пусть теперь и возвращает.

И ещё он сказал:

— Только имейте в виду, почтальон Печкин, что козлёночка я сам выбирать буду.

И они с дядей Фёдором немедленно за козлёночком к почтальону Печкину пошли.

— Если это мальчик, — говорит Матроскин, — я его Васей назову. А если это девочка, я её Ньюшей буду звать.

Ну, Ньюша так Ньюша.

Глава седьмая. ВЫСОКАЯ ПОЭЗИЯ ШАРИКА

Шарик по-настоящему поэзией заразился. Его уже не строчки и деньги интересовали, ему захотелось свои чувства через стихи выразить. Он решил большую поэму написать о собаках "Щенок Горбунок".

Он начал потихоньку её сочинять:

Один чел-век имел собаку,

И очень он любил собаку.

Правильно было написать "один человек имел собаку", но тогда получалось нескладно. А с "чел-веком" вышло лучше. Кому надо, поймёт, что "чел-век" — это "человек". Итак:

Один чел-век имел собаку,

И очень он любил собаку.

И без собаки жить не мог.

И к ней бежал он со всех ног.

Но вот отец сказал ему:

— Тебе собака ни к чему.

Зачем мы заводили пса,

Чтоб педагогой заняться,

Чтоб ты его кормил, поил

И в летний сад гулять водил.

"Педагога" тоже была неправильным словом, но "педагогика" никак не влезала. Пришлось оставить "педагогу".

Дальше поехало веселее и без неправильных слов:

А ты забросил, сын, Дружка,

И лишь кусочек пирожка

Вручаешь ты ему порой,

Когда не занят ты игрой,

Эх, на компьютере своём,

И мы собаку отдаём.

В поэме было много недостатков. Например, что такое "сын Дружка"? Это — "собачий сын"?

"Эх, на компьютере своём..." — тоже было какой-то сомнительной строчкой, но деваться было некуда. Без "эх" никак не получалось.

Поэты бывают разные. Некоторые поэты специально ломают слова, чтобы яснее выразить свою мысль. Некоторые ломают слова, потому что они малограмотные, косноязычные и иначе у них не получается.

Шарик был поэт-чувственник, поэт-нутренник. Он нутром чувствовал, как лучше писать. И иногда у него выходило малограмотно, но образно и понятно.

Он дошёл до завязки поэмы, пора было что-то завязывать. Шарик решил, что суровый папа прогонит Дружка, но потом за это поплатится:

Он не бросал на ветер слов —
Сердитый папа Иванов.
Он сыну строго наподдал
И пса в милицию отдал.

И вот зима, идёт снежок.
В милиции живёт Дружок.
Он поступил туда весной,
Ку-курс окончив разыскной.

Шарик не очень понимал, при чём тут весна, если идёт снежок. Ещё его сильно смущал этот "ку-курс", но без "ку" правильный ритм не получался.

— Пусть думают, что автор, например, был заика, — решил он. — А теперь продо-до-лжим.

Ему развили слух и нюх,
И он работать стал за двух.
Вообще-то лучше "за двоих",
Но только рифмы нет для них.

"Пора переходить к более решительным событиям", — решил Шарик. И продолжил:

Однажды в суровую зимнюю пору,
Когда всё живое запряталось в нору,
Раздался встревоженный звон —
Это звонил телефон:
— У нас слу-случилась пропажа,
Мне кажется, что это кража.

"Какая-то здесь есть неправильность, — подумал Шарик. — Все стали заикаться".

Но он успокоил сам себя, решил, что если у человека что-то украли, то он непременно станет заикаться от волнения.

Дальше у него как-то легко прорвались следующие строчки:

— Вы, вы, гражданин, не дрожите,

Спокойно нам всё доложите,

Что в вашем доме пропало?

— Диван, чемодан, одеяло,

Корзина, картина, картонка...

— И маленькая собачонка?

— Ах, нет, у нас нет собачонки.

Здесь Шарик с наслаждением дописал крупными буквами:

— Вот и пропадают картонки.

Дальше Шарик, как настоящий сыщик-разыскник, провёл допрос своего героя:

— Так, значит, пропала картина?

— Картина.

— И что там на ней?

— Бригантина.

— Так, значит, пропала картонка?

— Картонка.

— И что же в картонке??

— Дублёрка.

После этого у Шарика все рифмы ушли из головы, и он перешёл на полупрозу. Но он быстро выправился:

Начальник к себе вызывает Дружка

И треплет его по загривку слегка:

— Мой верный товарищ,

Пора, брат, пора!

Что хочешь, проси,

Но поймай мне вора.

Дружок подумал изо всех сил

И ничего не попросил.

Так получилось не потому, что Дружок был такой гордый, и не потому, что нечего было просить. А потому, что ничего не укладывалось в размер. Шарик решил, что Дружок попросит что-нибудь на обратном пути.

И вот, поднимая морозную пыль,

Несётся по городу автомобиль.

Ночь, улица, фонарь, стройбаза...

Дружок взял след почти что сразу.

Поэт Шарик к этому месту не просто устал, а основательно переутомился. Он посчитал строчки. Их получилось пятьдесят восемь строк. Или восемьдесят с чем-то долларов-рублей...

— Для одного дня больше чем достаточно, — решил он. — Можно и отдохнуть.

Глава восьмая. МЕМУАРЫ КОТА МАТРОСКИНА

Кот Матроскин по секрету от всех вёл дневник. Всё интересное записывал. Вёл он его уже давно — целых два дня. Он решил записывать всё интересное.

Самое трудное было в том, что ничего интересного не было.

"Вчера 15 мая приехал дядя Фёдор. Теперь он, конечно, поставит на место Шарика. Шарик окончательно распоясался. Ловит блох прямо на глазах у людей. И котов".

"16 мая. Мы с дядей Фёдором торжественно ничего не делаем. Пойду дам Мурке сена".

"17 мая. Сегодня с утра торжественно ничего не делал, но сначала подоил корову и сходил в магазин. Шарик стал совсем другим. Его вымыли. А я мыться не люблю и не буду".

Ему понравилось вести дневник, и он стал записывать события каждого дня.

"18 мая. Все блохи с Шарика ушли. Он больше не ловит их, как раньше, целыми днями. А я стал весь чесаться. Это не могут быть блохи. Наверное, это раздражение. Насекомые на интеллигенции не разводятся".

"19 мая. Оказывается, разводятся. Стараюсь держаться поближе к Шарикю. Может быть, уйдут на него обратно".

"20 мая. Всю ночь не спал. Не ушли".

"25 мая. Прочитал свой дневник. Ничего интересного, кроме блох. А ведь есть рассветы и закаты, есть духовная жизнь, например театры. Но разве с такими блохами пойдёшь в театр. Каждая размером с клюкву".

Дядя Фёдор как-то заглянул в дневник Матроскина и увидел эту блошиную эпопею.

— Матроскин, как тебе не стыдно! Давай немедленно купаться.

— Нельзя.

— Это почему?

— Я воды боюсь.

— Но ты же у нас морской кот.

— Да, морской. Я морской воды не боюсь, а у нас вода речная.

— Ну и отлично, — говорит дядя Фёдор. — В аптеке в селе Троицком морскую соль продают. Я видел, там ребята для аквариума покупали. Бери, Матроскин, тележку и шагай в Троицкое за солью. Будем тебе морские купания устраивать.

Матроскину деваться было некуда. На другой день он на тележке привёз соль из Троицкого. Стали думать, где его купать. Ванны в сельской местности в домах из дровишек обычно не заводили.

Шарик говорит:

— А вон у нас есть бочка для дождевой воды. Мы туда Матроскина и запихнём.

— Не надо меня запихивать, — говорит Матроскин. — Отойдите все в сторону. Я буду всё по-своему делать.

Сначала он бочку как следует отмыл. Потом вставил в неё кипяtilьник. Потом соли насыпал.

Шарик говорит:

— Это как в "Коньке-Горбунке". Сейчас он туда прыгнет. А вылезет оттуда тигром.

— Я не знаю, каким он оттуда вылезет, — говорит дядя Фёдор. — Только у него всё правильно получается.

Матроскин сказал:

— Я буду всё делать так, как белые медведи делают.

Он стал постепенно погружаться в воду. Сначала задние лапы, потом пузико. Потом сам медленно-медленно стал опускаться вниз.

Он вниз опускался, а все насекомые наоборот вверх по нему лезли. Он всё ниже — они всё выше. Кот сказал Шарику:

— Вот эту щепочку я себе на нос положу. Когда все блохи на неё переползут, ты, Шарик, зачерпни её своей миской и вместе с водой в помойку вылей.

Так они и сделали. Матроскин глаза зажмурил, щепочку себе на нос положил и в воду до конца погрузился. Блохи все на щепочку и попрыгали.

Шарик взял миску, только не свою, а кота Матроскина, поймал плавающую щепочку, зачерпнул её и отнёс подальше от дома.

Он подумал:

"Хороший способ придумали белые медведи. Только где они там в тундре кипятильник брали?" ***

После этого мемуары кота Матроскина больше наполнились духовой жизнью:

"Июнь. Шарик совсем меня замучил своими стихами. "Один чел-век имел собаку". Этот "чел-век" у него занимается "педагогой". Мы с дядей Фёдором объясняем Шарику, что это неграмотно. Что так стихи не пишут. А он нам нахально отвечает: "Много вы понимаете в высокой поэзии!" Он никого не слышит и "педагогит" и "педагогит" дальше.

Если уж Шарик стал высоким поэтом, может, мне тоже попробовать сочинять?"

И он действительно как-то с утра уселся за стих. Он решил не прославлять себя поэмами, как Шарик, а написать простое деловое стихотворение в подарок дяде Фёдору.

Он начал:

Я новый стих сейчас создам

И дяде Фёдору отдам.

— Ой, — говорит Матроскин. — Вот и всё. Готовое стихотворение получилось.

Он пошёл к дяде Фёдору и дал ему листок. Дядя Фёдор прочитал и говорит:

— Ну и создавай.

— А я же создал.

— Где оно?

— Да вот оно и есть "оно". Ты его держишь.

— Но тут написано "создам". Значит, ты его только будешь создавать.

— Да, нет, — говорит Матроскин. — Это я так подумал сначала, что создам и отдам. А когда я это записал, всё — теперь есть что отдавать. Уже есть две строчки, и рифма есть.

— Нет, — решил дядя Фёдор. — Мне ещё хотя бы две строчки нужны.

Матроскин думал, думал, думал... Ничего у него не получалось. Он к большому поэту Шарика пошёл.

— Шарик, что надо писать, когда ничего не пишется?

— Когда ничего не пишется, тогда про природу писать надо.

Эта мысль столкнула кота Матроскина с места. Он сразу придумал:

Веточки, цветочки,
Бабочки, листочки,
Перелески, тополя —
Это всё моя земля.

Он радостно пошёл сдавать работу дяде Фёдору.

— Вот это другое дело, — сказал дядя Фёдор. И положил это стихотворение в коробочку, где он письма папы и мамы хранил. — Только ты, Матроскин, лучше стихов не пиши. У тебя проза лучше получается. Я твои мемуары про блох до сих пор забыть не могу.

Глава девятая. ПРОИСКИ ПОЧТАЛЬОНА ПЕЧКИНА

Однажды случилось удивительное. Почтальон Печкин к себе Шарика в гости позвал.

Поставил на стол всё самое вкусное — солёные огурцы, капусту кислую, квас. И спросил:

— Ну, как ты живёшь, Шаричек?

Шарик отвечает:

— Живу хорошо.

— А что это я в последнее время не встречаю твоих снимков про природу в газетах?

Шарик отвечает:

— Я сейчас поэзией увлёкся. Хотите послушать? Я вам отрывки из поэмы почитаю.

Печкин не очень хотел слушать. Ему поэта Юрия Энтина было достаточно. Но он сказал:

— Конечно, хочу... Немного.

Шарик встал в позу поэта Маяковского на площади Маяковского и начал читать:

Один чел-век имел собаку,
И очень он любил собаку.
И без собаки жить не мог.
И к ней бежал он со всех ног.

Ну, как?

— Захватывающе, — сказал Печкин. — А сколько лет было чел-веку? И как его звали? Это не дядя Фёдор?

— Нет. Это совсем был другой мальчик. Но вы слушайте.

И он продолжал:

Но вот отец сказал ему:

— Тебе собака ни к чему.
Зачем мы заводили пса,
Чтоб педагогой заняться,
Чтоб ты его кормил, поил
И в летний сад гулять водил.

Шарик читал, размахивая руками. И ничего вокруг не видел.

...И вот зима, идёт снежок.
В милиции живёт Дружок.
Он поступил туда весной,
Ку-курс окончив разыскной.

Тогда Печкин написал ему записку:

"У меня к тебе, Шарик, есть разговор. Секретный".

Шарик как увидел записку, сразу как проснулся.

— Что за разговор?

— Шарик, а Шарик? Можно, я вашего козлёночка у вас заберу, а своего принесу? У меня он как-то похуже вырос. Больно тощенький получился.

Шарик подумал:

"Как это заберу? Мы к этой Ньюше уже привыкли. Она у нас уже часы разбила и целый угол клеёнки съела. Она у нас как своя".

А Печкин продолжает:

— Я тебе за это всё лето буду косточки приносить.

Всё дело было в том, что из печкинского козлёночка козлик постепенно вырастал. А ему молочная коза была нужна.

Шарик задумался. Матроскин в последнее время только грибные супы варил, а у Шарика грибной суп полное отвращение вызывал. Ему очень хотелось, чтобы ему каждое утро косточки приносили. Но он спросил:

— А как же Матроскин?

— А мы ему ничего говорить не будем. Матроскин в поле уйдёт, мы козлёночка и подменим.

Шарик подумал, а потом твёрдо сказал:

— Нет. Он эту Ньюшу из соски молоком поил магазинным. С собой в кровать клал в холодные дни. И потом, наш козлик серенький, а твой беленький.

— Какая разница? — говорит Печкин. — Серенький, беленький, красенький — это всё равно.

— Раз вам всё равно, дядя Печкин, — сказал Шарик, — пусть у вас беленький и остаётся.

На этом происки почтальона Печкина закончились. А Шарик ещё долго читал ему свою поэму:

Ночь, улица, фонарь, стройбаза...

Дружок взял след почти что сразу.

Тот след был от грузовика,

Его не замело пока.

Для тренированных собак

Следы брать — это же пустяк...

И он бежал, бежал,

Бежал...

Бежал, бежал, бежал,

Бежал, бежал...

Против бури, против ветра

Целых двадцать два кил-метра...

Пока Печкин не заснул. И это ещё был не конец поэмы. Конец был Шариком ещё не придуман.

Глава десятая. ФОТИЙ — НЕЛЬЗЯ РАБОТАТЬ

Однажды, это было в июле, смотрят дядя Фёдор, Шарик и Матроскин — идёт по деревне почтальон Печкин и на гармошке играет.

Дядя Фёдор удивился:

— А вы, дядя Печкин, на гармошке играть умеете?

— И на гармошке, и на балалайке, — отвечает Печкин. — У нас в Простоквашино все жители такие музыкально способные. Дед Сергей с горушки на контрабасе в клубе играет, а Пелагея Капустина на пиле.

Дядя Фёдор поразился:

— Надо же, а я и не знал!

— Это что, — говорит Печкин. — Вот в молодости я даже на скрипке играл.

— На скрипке?

— Ну да. Я на скрипке в молодости щеглов подманивал.

— Ой, — кричит Шарик, — это как раз для меня. Давайте вы будете для меня разных птиц подманивать, а я их буду фотографировать.

— Я тебе и на гармошке кого хочешь подманю, — сказал Печкин.

Он стал на гармошке петухом кукарекать. Да так задиристо и громко, что десять петухов со всей деревни сбежались и давай его клевать.

Печкин, дядя Фёдор и все скорее в ближайший дом убежали. Это была почта.

Тут Матроскин спрашивает:

— Что это вы, уважаемый гражданин Печкин, сегодня не работаете? А в середине дня с гармошкой разгуливаете?

— А сегодня такой праздник религиозный "Фотий — нельзя работать".

— Вот те раз, — говорит Матроскин. — Вот какие бывают праздники! Нельзя ли поподробнее?

— Нельзя, — говорит Печкин. — Я в календаре только название прочитал. И обрадовался. Там больше ничего не было.

— А может, там написано дальше, что работать нельзя, а надо учиться или книги читать?

— Может быть, — ответил Печкин. — Только я пока дальше не узнаю, я буду отдыхать и на гармошке играть.

— Всё, — говорит дядя Фёдор. — Идём к профессору Сёмину, пусть он нам расскажет, что это за праздник. ***

Профессор Сёмин очень обрадовался гостям:

— Откуда вы знаете, что у меня день рождения?

А они не знали. Поэтому дядя Фёдор быстро организовал Шарика сбегать домой и принести в подарок пару банок солёных грибов.

Печкин в суматохе добежал до почты и нарвал там красивых тюльпанов. Так что всё обошлось.

Тогда дядя Фёдор спросил:

— Уважаемый профессор, что это за праздник такой "Фотий — нельзя работать"?

Профессор Сёмин сказал:

— Честно скажу — не знаю. Религиозных праздников в календаре пруд пруди. А про такого Фотия я и не слыхивал.

— Придётся к отцу Дионисию в Троицкое топать, — сказал Печкин. — У него там толстая книга есть про праздники.

— Не нужно в село Троицкое топать, — сказал Сёмин. — Давайте посмотрим в Интернете, что это за праздник такой.

Он включил компьютер и стал искать в Интернете, что это за праздник такой замечательный.

Пока профессор Сёмин искал загадочного Фотия, кот Матроскин листал красивые альбомы, которые всегда были разложены у профессора Сёмина для гостей.

Он, конечно, выбрал самый интересный — "Интерьеры домашних усадеб русских царей. Петергоф".

Он рассматривал дворец и думал:

"Вот это дворец! Это ж целый аэродром! Это ж сколько дров для него зимой потребуется!"

Вот это окна, какая красота! Как же их протирать? Да на них мочалок не напасёшься. Да их с утра до вечера протирать надо! Вот у нас окошки — плюнул на тряпочку, раз — и всё!

А полы — паркетные! Просто загляденье! Мне таких полов даром не надо! Как только последний пол вымоешь, первый уже снова запачкают".

Потом он рассматривал фонтаны и скульптуры и стал почему-то недовольно фыркать. Он позвал дядю Фёдора и говорит:

— Какая неприятная скульптура.

— Вот эта?

— Да, вот эта. "Самсон, раздирающий пасть льва".

— А почему?

— Потому, что мне льва жалко. Да ты сам посуди, дядя Фёдор — сплошное неуважение к кошачьим. Есть "Витязь в тигровой шкуре". А вот тигра в витязевых доспехах нет. А чёрных кошек вообще преследуют из-за цвета кожи.

Он ещё раз посмотрел на скульптуру "Самсон, раздирающий пасть льва" и сказал дяде Фёдору:

— Надо бы дополнить композицию. Сделать ещё одну скульптуру: "Не получилось".

— Какую скульптуру?

— Лев сидит на груди Самсона.

— А почему "Не получилось"?

— Потому что если у Самсона не получилось, то у льва уж точно получится.

Наконец профессор Сёмин нашёл то, что искал.

— Смотрите, есть такой святой Фотий. Даже есть его фотография. Вот что про него написано:

"Святой равноапостольный Кирилл, учитель словенский святитель Фотий, патриарх Константинопольский, жил в IX веке, происходил из семьи ревностных христиан. Святой Фотий получил блестящее образование и, состоя в родственных отношениях с императорским домом, занимал должность первого государственного секретаря в Сенате. Современники говорили о нём: "сведениями почти во всех светских науках он столько отличался, что по праву мог считаться славою своего века и даже мог спорить с древними. Православная Церковь почитает святителя Фотия как ревностного защитника Православного Востока от владычества пап".

— Но здесь ничего не сказано про то, что не надо работать.

— Может, это какой-нибудь не тот Фотий? — предположил почтальон Печкин.

— Есть ещё один Фотий — митрополит Киевский. Очень замечательная личность. Он, — сказал Сёмин, — очень многое сделал в смысле просвещения в России. И даже ещё один Фотий Васильев — старообрядец, бывший стрелец. И никто из них не говорит, что работать нельзя.

— В общем, так, — сказал почтальон Печкин, — пока я всё про этот праздник не узнаю, я 15

июля каждый год работать не буду.

— А я, пока про этот праздник всё не узнаю, — сказал Матроскин, — 15 июля каждый год работать буду.

Когда они уходили, профессор Сёмин сказал дяде Фёдору на ухо:

— Вот в таких ситуациях люди и проявляются.

И хотя Матроскин был не "люди", он проявился в лучшую сторону, чем Печкин.

Глава одиннадцатая. ЩЕНОК ГОРБУНОК

Надо было, в конце концов, заканчивать поэму. И Шарик работал над ней и работал:

И он бежал, бежал,

Бежал...

Бежал, бежал, бежал, бежал...

Против бури, против ветра

Целых двадцать два кил-метра...

Здесь Шарик подумал, что "кил-метр" ненамного лучше "чел-века", но потом решил:

— Кто умный, тот поймёт. А бестолковым я читать поэму не стану.

Поэтому он продолжил:

Бежал, бежал, ещё бежал.

Но всё же вора задержал.

Вора он смело укусил,

И тот пощады запросил:

— Меня, эх, погубила страсть.

И больше я не буду красть.

Простите меня, простите.

На волю меня отпустите...

Скоро его поэма была практически готова. Он позвал дядю Фёдора и Матроскина и стал им читать шедевр:

Ночь, улица, фонарь, стройбаза...

Дружок взял след почти что сразу.

Тот след был от грузовика...

Он читал и читал. Дошёл до погони. Тут дядя Фёдор остановил его:

— Слушай, Шарик, что-то у тебя поэма бесконечная. Попробуй её сокращать.

— А как?

— А вот Дружок у тебя бежит десять раз. Пусть бежит один раз.

— Но там дорога длинная. Грузовик далеко уехал.

— Допустим, — говорит Матроскин. — А чего это ты всё украденное перечисляешь? Корзина там, картина, картонка и маленькая собачонка. Ты бы ещё носки перечислил, ботинки.

— Собачонки там не было, — спорит Шарик.

— Как не было? Была. Вот же у тебя написано: "Ах, у нас нет собачонки. Вот и пропадают дублёнки". Значит, собачонка была.

— Вообще-то она была. Но у них её не было. Поэтому вещи и пропали.

— Ладно, — согласился дядя Фёдор. — Читай дальше.

Шарик стал читать, пропуская целые куски:

Итак, он задержал вора,

А у вора полно добра,

Буквально целая машина:

Диван, чемодан, пианино,

И в довершение списка —

Большая собачная миска.

— Может, она всё-таки была собачья? — спросил дядя Фёдор.

— Она, конечно, была собачья, — согласился Шарик, недовольный тем, что его перебивают.

— Но тогда нескладно получается. Слушайте. Дальше будет самое неожиданное:

Тут в пальто, но без штанов

Прилетает Иванов.

— Дружок, теперь я понял вдруг,

Что ты мой настоящий друг.

Вот тебе, Дружок, котлета.

Вот тебе, Дружок, конфета.

Вот тебе, Дружок,

Пирожок.

Он поцелул собаку в нос

И на руках домой понёс.

Но Дружок вдруг

Вырвался из рук.

— Вы, конечно, всех нежней,

Но я в милиции нужней.

Я здесь при помощи таланта

Дослужусь до лейтенанта. —

Вот какой он молодец!

Конец.

Слушатели молчали.

— Ну, что? — спросил Шарик.

— Я думаю так, — сказал дядя Фёдор. — Если слегка подработать, то может получиться что-то интересное.

— А сейчас разве неинтересное?

— Мне кажется — сыровато. Много вопросов возникает. Почему это Дружок заговорил по-милиционерски? Откуда взялся Иванов? Как это Дружок сумел догнать грузовик, особенно против ветра?

— Сыровато, — согласился Матроскин. — Пожалуй, даже мокровато. Подсушить надо.

— Тебя самого подсушить надо, — обиделся Шарик.

Поэты — люди ранимые, чуть что не так, обижаются на целую неделю. Вот и Шарик на целых два дня скрылся от народа на печке.

Пришлось его специальным пирогом с косточками выманывать:

— Вот, Шаричек, мы тебе пирог специальный приготовили. "Собачьи грёзы" называется. Там ни одного гриба нет, одни кости.

Глава двенадцатая. МАМА ПРИЕХАЛА

Лето катилось к закату. Пора было подводить итоги.

У коровы Мурки в колхозном стаде телёнок родился. Но почтальон Печкин согласно договорённости его конфисковал. Это была тёлочка.

Печкин её тоже Ньюшей назвал. Он сам ничего придумывать не умел. Он во всём дяде Фёдору подражал.

После этого корова Мурка в семью вернулась. Молока она стала давать в два раза больше без всякой музыки. Так что благосостояние кота Матроскина резко возросло.

Шарик свою поэму высушил, исправил все неправильности и разучил её наизусть. Он мог теперь её без бумажки читать.

Как только он встречал нового человека, он сразу становился в позу и читал:

Один чел-век имел собаку,

И очень он любил собаку.

Тут как раз мама с папой приехали. Шарик их на пороге встретил. Родители спрашивают:

— Где дядя Фёдор?

— На речке.

— Где кот Матроскин?

— В сарае. Хотите, я вам поэму прочитаю?

— Так сразу?

— А что? Вы же уже приехали.

Он встал в поэтическую позу, как Юрий Энтин, и стал радовать родителей:

Один чел-век имел собаку,
И очень он любил собаку...
Он без собаки жить не мог.
И к ней бежал он со всех ног.

— Шарик, Шарик, успокойся, — сказала мама. — Не волнуйся. Дай нам оглядеться. Мы твою поэму про чел-века обязательно дослушаем. А сейчас мы хотим сына увидеть.

И родители пошли на речку. Как только дядя Фёдор их увидел, он сразу закричал:

— Ура! Мама приехала!

Мальчики всегда кричат: "Ура, мама приехала!" Хотя папы всегда вместе с мамами приехивают. То есть приезжают.

Теперь уже начались настоящие, всехние каникулы! До самой осени!

КОНЕЦ